

Юрий Фофин по итогам творческой программы IV всероссийского Собрания молодых литераторов в Химках рекомендован к принятию в Союз писателей России.

Путь в профессиональную литературу челябинского прозаика начался со знакомства с писателем Владимиром Михеевым. Михеев вёл клуб при челябинском киноцентре им. Л.Оболенского и возглавлял литобъединение «Синий лес». В литературной студии Юрий Фофин учился основам мастерства, а участие в различных собраниях молодых писателей помогло начинающему автору расширить круг знакомых, усовершенствовать технику письма, влиться в современный литературный процесс и стать его заметным участником.

Сегодня Юрий Фофин – руководитель Челябинского ЛИТО «Мол-Лит», член экспертного и образовательно-критического отделов Совета молодых литераторов. Член Союза писателей России.

В интервью мы пытаемся разобраться в сложной литературной среде, в которой живёт и работает современный автор.

По образованию вы филолог, преподавали в колледже литературу. Когда вы осознали себя как автор, почувствовали, что можете рассказывать свои истории?

Преподавал я всего год, и преподавание мне давалось мучительно. Литератором я никогда не мечтал стать, хотя в школе мог сутками напролёт болтать с ребятами. Я думаю, что когда есть потребность в трансляции своих переживаний, это уже является проявлением авторства. Может быть, авторство начинается с удивления. У Андрея Платонова есть такая строчка: «...Родившись, он удивился и так прожил до старости с голубыми глазами на моложавом лице...» Авторство – это способность удивляться, переживать и рефлексировать.

А вот непосредственно думать об этом я стал... мне кажется, у всех авторов есть такая история, когда родные их не поддерживают. Кто-то из известных советских актеров рассказывал, что когда он сообщил родителям о намерении стать актером, ему сказали: «Ты с ума сошёл!» Мне

всегда говорили, что писатели – это Толстой, Пушкин, а в наше время какой писатель-то может быть? Поэтому я никогда об этом не мечтал. Я понимал, что время, условия, и прочее... Но, как это у всех случается, попал в творческое окружение, и мой учитель – писатель Владимир Михеев, который, к несчастью, год назад ушел из жизни, благословил меня на это.

Сквозным мотивом ваших произведений является мотив сиротства. Центральными образами в рассказах являются фигуры отца, матери и ребенка, который не может найти себя в этом мире. Меня очень тронули те ситуации, в которых вы изобразили отца. В рассказе «Проснешься ночью...» отец занимается спортом, ведёт здоровый образ жизни, возвращает в гнезда упавших с чердака птенцов. В рассказе «На пороге светлых дней» фигура отца диаметрально противоположна: он – афганец, контуженный, которому непросто устроиться в мирной жизни, алкоголик. И в том, и в другом случае мальчик злится и ненавидит своего отца, упорно ищет то, что делает их разными, а, соответственно, чужими друг другу. Откуда в ваших рассказах взялась эта тема?

У меня с отцом всегда были довольно сложные отношения, можно сказать, никакие. Отношения отца и сына были деструктивные, неполноценные, имели какой-то временный характер. У меня всегда было ощущение, как вы сказали, сиротства, разорванности отношений между людьми, противостояния. Отец – это наш родитель, тот, кто существовал до нас, и я всегда ощущал деструкцию между мной и предшествующим временем. Я рос и осмыслял себя в девяностые годы. У меня не было ни капли оптимизма, я не понимал, что происходит. Советский Союз я не успел захватить, поэтому, с одной стороны, у меня ничего не рушилось, а, с другой стороны, я сразу вошел в хаос, жил без ощущения почвы. Чувство полного распада и деструкции и вылились в такие образы.

В рассказах вы показываете героев в измененном сознании. Почему вы выбираете сон или сумасшествие?

Почему я беру этот материал?

Это очень интересно в ключе ваших рассуждений про деструкцию.

В этих состояниях я чувствую, что я ближе всего к какой-то условной истине. Они меня больше всего захватывают. Мне тяжело даются диалоги, у меня мало сцен с диалогами. Я не способен их сделать, потому

что просто этого не знаю, не чувствую себя в обществе настоящим. Я не социализировался, чувствую себя в своей тарелке только наедине с собой, в измененных состояниях. Для меня это мой материал, в котором я могу как-то реализоваться. Собственно говоря, автор берет всегда что-то близкое для себя. Сны, состояния измененного сознания занимают большую часть моей жизни. Больше всего меня интересуют индивидуальные внутренние переживания человека.

Вы закончили психологический факультет. Когда вы пишете рассказы и выстраиваете сюжет, в вас включается внутренний психолог?

Я об этом никогда не думал, но, скорее всего, это проявляется. На психолога я пошел не из-за профессии, а из-за того, что психология якобы изучает душу человека. Интерес к познанию внутренних переживаний человека – это единое ядро между факультетом психологии и моими рассказами. Вместе с тем я замечаю, что мои рассказы работают как терапия. Однако я в этом смысле психолог-хирург. Я пробовал работать психологом, но пришел к выводу, что мне приходится применять болезненные средства для излечения, а в итоге ещё неизвестно, излечится человек или нет. И я отошёл от этого...

...И пришли в литературу...

Да, литература оказалась ближе. В психологии не нужно глубоко работать, нужно просто помочь человеку, вывести его из каких-то заблуждений. Литература работает гораздо глобальнее. В литературе не нужно бояться причинить человеку боль. Меня в этом часто обвиняют.

Расскажите о вашем пути на страницы толстых журналов. Как начинающему автору попасть в «Наш современник»?

Несколько лет назад в наш город приезжал Сергей Шаргунов, презентовать свою книгу «Катаев. Погоня за вечной весной» из серии «ЖЗЛ». Я подошел к нему и спросил, как пробиться в толстые журналы и стоит ли подаваться на премию «Дебют» (сейчас он «Лицей»)? Он мне сказал, что туда подаваться бесполезно, слишком большая конкуренция, а в толстые журналы не пробиться. Просто идите своим путём, читайте Пустовую и Снегирева, сказал он мне.

Но мне повезло. Благодаря литературным совещаниям. Сейчас они часто проходят, я рекомендую всем начинающим авторам в них участвовать. У нас их проводит культуртрегер Нина Александровна Ягодинцева.

К нам в Челябинск был приглашен заведующий отделом прозы «Нашего современника» Евгений Шишкин. Когда было обсуждение моего рассказа «Ждём перемен», он ему, видимо, чем-то понравился, и, хотя он и попросил его доработать, но в конечном итоге принял его для публикации. И в 2017 году он вошел в августовский молодежный номер журнала. «Ждем перемен» – мой первый рассказ, который получился так удачно. Часто говорят, что им стыдно за первые публикации, а мне почему-то до сих пор не стыдно. Мне стыдно, что я не могу продолжать работать на таком же уровне.

Большую роль играют личные контакты, которые появляются благодаря совещаниям. Мне кажется, что невозможно достучаться до редакторов через почту. Когда ты лично знаком с человеком, все становится легче. В «Сибирских огнях» публикация появилась по рекомендации Андрея Тимофеева. Но это не значит, что Андрей попросил – и меня опубликовали. Бродский говорил, что опубликовал в нью-йоркском журнале Довлатова. Но помимо него он журналу еще десяток авторов предлагал, а взяли только Довлатова.

В рассказе «Ждем перемен» есть главный герой и Иван. Иван является альтер-эго вашего героя? Вся сцена с собеседованием – это сон главного героя, или Иван действительно существует?

В рассказе Иван – уличный музыкант. И более того, у этого персонажа есть реальный прототип – уличный музыкант в нашем городе, с которым я знаком несколько лет. Я подарил ему номер журнала с рассказом, он сказал, что я его там идеализировал.

Меня всегда притягивали люди с какими-то индивидуальностями. Если бы у меня была такая возможность, я бы стал психиатром. Я всегда об этом мечтал, читал книги по психиатрии. Собственно говоря, психология была выбрана только потому, что в мединститут возможности поступать не было, а на факультет психологии была.

Мне интересны состояния измененного сознания, девиантное поведение, потому что в маргинальности проявляется человеческий архетип. Когда человек социализирован, он мне неинтересен, так как скован социальными рамками, трудно достучаться до его индивидуальности.

В рассказе «Проснешься ночью...» отец возвращает в гнезда упавших с чердака птенцов, в рассказе «Ждем перемен» Иван, по сути, говорит о любви к людям. В ваших рассказах проявляются христианские мотивы. Это случайное совпадение, или вы вкладывали подобный смысл?

Это роман нужно заранее продумывать, потому что ты пишешь, пишешь, а потом окажется, что ты не придумал, что это вообще все значит. Рассказ не обязательно продумывать. Он может быть написан интуитивно. Я думаю, что из христианских мотивов там есть противостояние отцу. Я вообще не из верующей семьи, родители у меня некрещёные, если они и были в церкви, то случайно. Я тоже не приучен к православной культуре. Но идеи христианства всегда оказывали на меня самое сильное эмоциональное и интеллектуальное влияние.

Вы возглавляете челябинское литературное объединение. Расскажите, как оно появилось.

Я был коротко знаком с председателем Челябинского отделения Союза писателей России Олегом Николаевичем Павловым. В 2019-ом году он предложил мне организовать молодежное литературное объединение, и я согласился. На тот момент у меня был большой организационный опыт: с 2010 года я систематически посещал литературную студию «Синий лес», ведущим которой был мой учитель Владимир Михеев. Сейчас мы продуктивно работаем: снимаем видео заседаний, монтируем и выкладываем выпуски на нашем YouTube-канал.

В чём специфика литературы вашего города? Чем, скажем, литература Урала отличается от литературы других регионов?

Дмитрий Пригов как-то сказал, что в России есть три школы: московская, питерская и уральская. И действительно, у нас есть такие яркие одиозные личности как Кальпиди, Янис Грантс, Андрей Санников и многие другие. Известно, что Екатеринбург вообще довольно прогрессивный город. Туда съезжается много образованной молодежи, там кипит культурная жизнь. Там сильное влияние поэзии семидесятников, восьмидесятников – Пригова, Олега Григорьева, Алексея Парщикова и многих других.

Над нами смеются, говорят, что Челябинск – суровый город, где царит депрессивное настроение. Разумеется, атмосфера города связана с настроением моих рассказов. Так же, как у Достоевского, у которого Петербург показан довольно мрачным, депрессивным городом.

У нас наблюдается противостояние консервативного и прогрессивного лагеря, патриотов и либералов. Традиционалисты – это Союз писателей, Нина Александровна Ягодинцева. Прогрессивный лагерь – это Кальпиди, издательство Марины Волковой.

Мне, конечно, хочется быть над схваткой. Консервативная и про-

грессивная позиции кажутся мне несколько ограниченными. И всё же я ближе к традиционалистам, так как учителем у меня был Владимир Михеев, который по своим взглядам, убеждениям, прозе и творчеству довольно традиционен. Он оказал на меня огромное влияние. И в тоже время я активно общаюсь с прогрессивными поэтами и писателями Челябинска. Например, мой друг, писатель и поэт Янис Грантс – постоянный автор журналов «Новый мир», «Знамя».

Мне интересно ощущать себя на стыке двух течений, хочется обогатиться опытом традиционного и модернистского мироощущения. Без прогресса литература превращается в какой-то фольклор.

Кино, литература, психология – вы работаете на стыке разных искусств, создавая свою форму. Андрей Тарковский сказал, что кино является запечатленным временем. Можно ли так же ёмко охарактеризовать, что такое литература?

Мне трудно сразу придумать, что такое литература. Меня как-то спрашивали, чем именно для меня является творческий процесс, и я ляпнул – насилие над читателем. С тех пор я это не забываю, вижу по моим рассказам, мне об этом часто говорят. Литература – слишком широкое понятие, чтобы его взять и сузить. Мне трудно, надо думать.

Вы работаете осветителем в театре...

Уже не работаю, три года работал.

Работа художника по свету включает в себя формирование того самого измененного сознания у зрителя. Человек приходит в театр, и вы погружаете его в атмосферу иного мира. Можно ли выявить какие-то общие приёмы в работе осветителя, который достигает на сцене нужного эффекта при помощи регулировки света? В живописи играет роль форма и размер кисти, в литературе текст складывается из метафор, в театре осветитель работает со светотенью. Есть что-то общее между этими профессиями?

Конечно, есть. Это – высвечивание главного. Как скульптор убирает лишнее, оставляя главное, так и художник, и писатель, и режиссер, и осветитель пытаются игнорировать ненужное, фальшивое, неинтересное и высветить то, что кажется главным, и отвечает на ключевые вопросы.

И что главное в творчестве Юрия Фофина?

Если бы я мог сказать, что главное, я, может быть, сказал, и не писал. Толстой про «Анну Каренину» сказал, что для того, чтобы выразить,

о чем роман, нужно целиком его пересказать.

Для меня важно передать мои ощущения, чтобы в найденных образах они отзывались у читателей, чтобы они обобщали боль всех людей, чтобы частное личное переживание стало общим. Вот задача художника. Но эту задачу невозможно поставить перед собой и выполнить, она должна сама выполняться, а ты должен заниматься чем-то другим и просто получать удовольствие от того, что ты делаешь. Я собираю в рассказах всё, что мне кажется важным, нужным и игнорирую то, что мне кажется неинтересным и ненужным в жизни. Наверное, поэтому рассказы получаются неестественные, вычурные, как отмечают некоторые, вымученные. Я не ставлю перед собой задачу отразить жизнь. Я хочу её сгустить. Как сказал Михаил Хлебников, новосибирский критик, задача художника сгустить жизнь, а быт представить как бытие, и чтобы читатель был сопричастен этому бытию. Все мы этим занимаемся.

Прекрасно сказано. Мне понравилось, как вы сказали про боль всех людей. Действительно, в рассказах чувствуются боль и надежда. У ваших героев есть надежда?

Да, мои рассказы кажутся мне оптимистичными, добрыми, с надеждой. Мне и фильмы Тарковского кажутся позитивными и добрыми. И рассказы Андрея Платонова. «Преступление и наказание» кажется мне оптимистичным романом, потому что герои остаются живы, у них все впереди. Жизнь в этом и заключается. Просто часто читателю нужно, чтобы у героя было с собой два чемодана денег, и другие концовки кажутся ему грустными.

Беседовала Елена Жданова (1982 г.р., Иркутск)